

Для читателя, любящего неспешное, вдумчивое, углублённое чтение, видящего в книге не повод для занятого времяпрепровождения, а друга, собеседника, учителя, эти три тома, выпущенные в русском переводе Свято-Троицкой Сергиевой лаврой, истинный подарок. Иначе сказать о «Творениях» преподобного Максима Грека невозможно. Их чтение — это общение с вечной истиной — мудростью, которой держится мир. Но как просто, интересно, доступно о ней говорится. Может быть, потому, что самому святому (Максим Грек причислен к лику святых на Поместном соборе Русской Православной Церкви, посвящённом 1000-летию крещения Руси и проходившем в Троице-Сергиевой лавре 6 - 9 июня 1988 года), - в жизни пришлось эти спасительные истины доказывать собственными страданиями и лишениями. И вознесясь духом, оставить нам, последующим поколениям, не только свои замечательные труды, но поразительный и во многом утешительный пример собственной судьбы.

Он родился около 1480 года «от родителей богатых и благочестивых Мануила и Ирины в городе Арты, в Албании, близ Эпира. По происхождению грек». Максим получил образование в Париже, Венеции, Флоренции. Он приобрёл достаточные сведения о науках, основательно изучил греческий, латинский, французский и итальянский языки. Но затем из просвещённой и шумной Европы в поисках уединения он отправляется на Афон, где с 1507 года поселяется в братстве Благовещенской Ватопедской обители, принимает монашество и десять лет несёт иноческие подвиги, изучает святоотеческие писания, выполняет монашеское послушание — ходит за сбором милостыни для обители. Отсюда по просьбе великого князя Московского Василия Иоанновича Максим Грек отбыл в Россию для перевода с греческого и исправления ошибок в уже используемых при совершении богослужений книг, имевшихся в России. А также для разбора уникальной библиотеки, которая была вывезена

великой княгиней Софией Фоминишной из Константинополя в то время, когда она ехала в Россию для бракосочетания с Иоанном III, родителем Василия Иоанновича. До Максима Грека библиотека простояла закрытой под замком сто лет.

Инок осуществляет перевод толковой псалтири, «толкования древних отцов на Деяния Апостольские и толкование Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна»; Правила апостольские и правила вселенских и поместных соборов; извлечения из книг пророческих с толкованиями; житие Богородицы Мегафраста; пишет более ста тридцати статей о том, что волнует и занимает умы в Москве. Но как часто бывает — обличитель невежества и безграмотности, клятвопреступничества и пороков духовных и плотских — вскоре сам оказывается в немилости у верховной государственной и церковной власти, которые определяют его под стражу и вменяют ему в преступление то, чего он не делал или сделал без всякого злого умысла.

Из заточения вопиет преподобный Максим Грек к власти верховной о милости. Просит,

чтобы отпустили его назад в афонскую обитель. Об этом же в 1545 году восточные патриархи: Константинопольский Дионисий и Александрийский Иоаким просят царя Иоанна IV — но всё тщетно. И «лишь в 1551 году, после 25-летнего заключения, игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий вместе с некоторыми добродетельными боярами упросили Царя освободить невинного страдальца из заключения». Но силы подвижника были на исходе. 21 января 1556 года он скончался. Богом уготовано было великому праведнику закончить свой жизненный путь на русской земле и здесь же получить прославление за подвиг исповедничества и за сбывшиеся его предсказания.

Рассматриваемое нами издание «Творений» преподобного Максима Грека, как уже было отмечено, выпущено в трёх частях, в первую из которых вошло «Житие» святого и его «Нравоучительные сочинения». Последние так приятны уму, так ласкательны для слуха, что чтение их доставляет искреннее духовное наслаждение, вносит в сердце веру в истинность выбранного в вере пути. Сочинения будто бы написаны для тех, кто хочет и любит слушать МУЗЫКУ слова, представляющую собой явление красоты неземной, льющуюся откуда — нам неведомо, но воплощающуюся странным, непостижимым образом в чувство и мысль. И эта тройственность в СЛОВЕ, произнесённом Максимом Греком, — греет, оживляет, объясняет смысл нашей жизни. В нём мы находим многие необходимые ответы для себя, для своего бытия на этой земле. Всё происходит как-то просто, легко. Лишь миг, и волнение охватывает сердце. Целебное чувство открытия истины заполняет его от прочтения столь простых, доступных всякому уму разъяснений. Но... мгновение, и неуловимым движением обрётённое вновь ускользает из сердца. И оттого хочется вновь и вновь читать и перечитывать сочинения святого.

Но есть и другая поразительная черта написанных (а как бы произнесённых — столь близки и доступны они для читательского восприятия) преподобным Максимом Греком «Слов». В них автор по-христиански глубоко откровенен. Нелицеприятны взывания его к собственной душе, омрачённой и обременённой житейскими помыслами и страстями. (Это его-то душа! Это ей-то возносить упреки и осуждения! Это её-то призывать к послушанию и благоразумию!) Не есть ли это самая высокая требовательность к себе?

Одно из своих нравоучительных сочинений о покаянии преподобный, преподнеся читателю истинный урок смирения, заканчивает так: «Написавшему же это слово воздайте, прошу, вашими богоприятными молитвами, чтобы и мне сподобиться вместе с вами исполнить содержащееся в нём учение. Никто из вас, умоляю,

пусть не считает меня вполне исполнившим сказанное в нем; ибо я, воистину, — то бесплодное «древо, при корени» которого «лежит» мысленная «секира», которою оно «посищается и во огонь вмещается» (Мф. 3,10). Я — тот путь и то камение и терние, куда западает бросаемое небесным Сеятелем семя, и погибает, не принося Ему плода. Я — солома, сожигаемая огнем неугасающим. Поэтому, прошу вас: молитесь о мне грешном, чтобы и мне сподобиться вместе с вашей святынею оказаться чистою пшеницею, собираемою в вечные житницы Создателя и Владыки всех Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Ему слава во веки. Аминь». (Слово 4-е.) Привожу такую длинную цитату потому, что в этом потоке православного высокого самоуничтожения не только истинное осознание ничтожества человеческой (и собственной его писателя-праведника) воли перед всеусущей и всепобеждающей волей Творца, но и глубочайшая любовь к ближнему, превозношение его этой любовью над собой, своими желаниями и гордостью.

Слог Максима Грека, несмотря на кажущуюся многословность, в достижении полноты выражаемой мысли очень точен и образен. Оттого передаваемая мысль не «суха», а как бы «разбавлена» чувством, сопереживанием. Оттого и льются сказанные им слова прямо в благодарное читательское сердце. И особенно пронзительно, когда сказаны они о сострадании к нищему и убогому, о милосердии, о нестяжательности, о бренности всех земных приобретений и накоплений, о человеческой чёрствости и сребролюбии в то время, когда рядом оборванный и изголодавшийся нищий, протягивая руку, просит подаяния.

Как близки эти слова нашему времени, какой вечный, непреходящий смысл имеют они, насколько велик человек, произнесший и написавший их более четырёхсот лет назад, что смог проникнуть духом в безвремя, достичь вечности. Ведь: «Как любовь есть исполнение закона, так и вера есть основание всех вообще добродетелей: от веры рождается страх, а от сего — исполнение заповедей, через которое ум наполняется божественной любовью». Таким высказыванием преподобный заканчивает своё «Слово». И ещё: «Возлюбим же уготованные на небесах от Бога славу и честь, и похвалу, а не те, которые бывают от людей, за которыми мы, по великому своему безумию, всячески гоняемся, ласкаясь, с рабским самоуничтожением, ко всем, находящимся на власти, умалчивая об их неправдах, тогда как, если бы не стеснялись их, мы могли бы заслужить себе от Бога награды, и их самих отвлечь от всякого зла и от всякой неправды...»

В этом и есть поразительная современность поучений святого. Говорит он в них о категориях вечных, стремясь, во спасение наше, отвлечь нас

от повседневного, кажущегося таким важным, только что открытого нами и до этого другим никем не испытанного и не понятого так, как это понимаем и чувствуем мы. Но всё это губительно, от лукавого. Работы Максима Грека, написанные несколько столетий тому назад, это доказывают, призывая нас к вниманию и сосредоточенности.

И уж совсем особняком стоят в книге «Слова» с 25-го по 31-е. В них святой обращается с чувством христианской любви и просьбой отпустить его, невинного инока Максима Грека, обратно в обитель Ватопедскую на святую гору Афон, где он обещает молиться за своих обидчиков и прославлять перед Богом тех, кто доставил ему столько физических и духовных страданий. А если невозможно возвращение, то, чтобы допустили его до причастия, коего он был несправедливо лишён многие и многие годы, находясь в заточении. Слова эти обращены к его вольным и невольным мучителям: царям Василию Иоанновичу и Иоанну Васильевичу, митрополитам Даниилу и Макарию, епископу Тверскому Акакию, князю Петру Шуйскому.

Страх Божий двигал им при написании этих «Слов». Скорбь за дальнейшие судьбы своих мучителей и нас, ныне живущих.

Вторая часть репринтного издания сочинений преподобного Максима Грека состоит из ярких и эмоционально насыщенных, энергичных догматико-полемических сочинений. В этих статьях, как и в первом томе, автор являет себя пламенным борцом за истинное Православие. Его слово не только наполнено верой как бы до краев каждой буквы, но зачастую облечено в доступную, помогающую более полному восприятию его читателем, художественную форму. Так, изучающих священные книги он уподобляет пчёлам, собирающим нектар и перелетающим для этого с цветка на цветок, а читающих «еретические учения», которые «не от источников разумного Израиля проистекают», Максим Грек называет пьющими из «мутных рвов, на погибель и отравление».

В статьях — яростное обличение ереси, но и истинно христианское стремление к примирению, призыв к покаянию и возврату к неизменным догматам, оставленным для нас нашим Спасителем Иисусом Христом и его учениками - апостолами, которые изложены в Евангелии и Посланиях. Преподобный постоянно цитирует Священное Писание, приводит примеры в подтверждение своих слов из книг Ветхого завета, высказываний святых и подвижников благочестия. В 12-й статье он цитирует грозное восклицание святого Дионисия, прозванного Ареопагитом: «Тебе поручено содействовать спасению подобных тебе людей, и не так, как тебе этого хотелось бы, а по спасительному учению священных Евангелий и по апостольскому и отеческому преданию...».

В томе помещены работы, где Максим Грек

вступает в непримиримую борьбу практически со всеми имевшими тогда место церковными смутами и ересями, вплоть до основных религиозных отклонений и противостояний. Здесь и «обличение против латинских трёх больших ересей», и «слово против армянского зловерия», и «ответы против агарян, хулящих нашу православную христианскую веру». Отдельные большие работы посвящены разбору заблуждений, а зачастую и полному непониманию христианства.

Причём, в своих статьях святой вступает в полемику не столько с личностями, проповедующими ту или иную веру, сколько с самой сутью этой веры, являя при этом отменное знание предмета своего разбора, его основы, свободно цитируя книги-первоисточники. Его поражает (он и не скрывает этого — удивление автора неудержимо «выплёскивается» на страницы книги), как можно не видеть всю пагубность представленных заблуждений и столь очевидную спасительность учения Христа.

«Все, что преподано нам и законом, и пророками, и Евангелием, — цитирует в своей статье Максим Грек блаженного Иоанна Дамаскина, — будем изучать и сохранять честно и более ничего не будем искать. Ибо Бог, будучи Благ, и всякого блага податель, — что нужно было нам знать, то открыл, а чего мы не могли вместить, о том... умолчал. Будем же любить то, что Им преподано нам, и в том будем пребывать, не прелагая пределов вечных и не преступая божественного предания. Ибо кто что-нибудь малое или великое божественное отменяет, тот отменяет весь закон и почитается заодно с преступниками его».

Слово Максима Грека — это порыв, неукротимое желание передать свою любовь в вере другим, тем, к кому он и обращается со страниц книги. Трудно говорить о догматических противоречиях, с которыми идёт полемика в книге. Слишком велик авторитет вопроса, и очень значительные знания необходимо для этого иметь. Потому, по недостойности своему, и не смею. Но упиваться чужой эрудицией, насыщать ею мозг, сберечь в сердце разбуженное ею чувство — кто может запретить?

Слово святого удивительным и непостижимым образом спасает, скрепляет, единит неразрывно разум и сердце, рассудочность и чувства, радость и печаль покаяния. И происходит это потому, что достаточно прочесть первые строки его обличающих грех статей, чтобы осознать всю свою уязвимость и зависимость от мира, повязанность им. Но чувство покаяния, принятое сердцем от слов преподобного, уже спешит твою печаль увести от отчаяния, открыть для тебя иной путь, который ты, вроде бы, и сам знал и знаешь, да только идти по нему нелегко, оттого и нерешительность, сомнения тревожат. Слово же святого — наша укрепляющая подмога, наш посох в странствиях

жителей, наша поддержка и опора.

Особняком в книге стоят статьи о волхвах и звездочётах, пытающихся по звёздам угадывать будущее. Эта тема затрагивалась духовным писателем и в первом томе его сочинений. В этом же издании она более обобщена (статьи с 17-й по 21-ю) а в некоторых случаях, напротив, очень конкретизирована. Максим Грек на примерах из Ветхого завета, из истории Церкви наглядно показывает, как Промысел Божий движет историей и в то же время судьбами отдельных людей, а отнюдь не движение по небу звёзд и светил, их нахождение в том или ином месте. Они могут играть свою роль в наших судьбах, но только тогда, когда в особых случаях для этого их использует Промысел. Так, в Евангелии волхвы пришли для поклонения родившемуся Христу, следуя за звездой, звезда ли здесь решала дальнейшую судьбу человечества и возможность явления нам искупителя?

«...Не от звезд, зодиака, движения и сочетания планет, и не от колеса какого-то счастья происходит и зависит всё касающееся нас, но что, будучи изначально почтены создавшим нас самовластием, сами властны в своих помыслах и делах, как добрых, так и злых».

Как своевременны эти слова преподобного. Словно к нам, живущим в конце XX столетия и начинающим свои дни, недели, месяцы с разглядывания и чтения гороскопов, помещённых на страницах газет, журналов, передаваемых по радио и телевидению, обращены они из глубины прошлых веков.

Во всех статьях говорит Максим Грек о вечных вопросах нашего спасения. Оттого они имеют для нас непреходящую ценность. Но самый большой раздел книги посвящён теме разногласий между православными и католиками (латинянами называет их автор) в вопросах догматов христианства, сформированных, утверждённых, затем сформулированных окончательно в виде молитвы «Символ веры» (Первый Вселенский собор в Никее изложил устав православной веры. Второй собор в Константинополе прибавил в священный Символ догмат о Святом Духе. Третий в Ефесе утвердил страшными клятвами изложение веры, составленное прежними двумя Вселенскими соборами, чтобы никто не дерзнул изменить ни одного слова в прежде составленном Символе). При этом в рассуждениях своих Максим Грек опирается на высказывания блаженнейшего Келестина, в то время Папы Римского, который в своём послании Третьему собору в Ефесе писал так: «... если кто когда-либо убавит нечто или прибавит к исповеданию веры, был предан анафеме, то это было сделано правильно; ибо то, что с полностью и ясностью предано нам Святыми Отцами, не терпит ни прибавления, ни убавления».

На Четвертом Вселенском соборе, собранном в Халхидоне, блаженнейший

Лев, Папа Римский, по прочтении священного исповедания веры, составленного предыдущими соборами и утверждённого Третьим, сказал: «Повелевает сей Святой Вселенский собор — иную веру никому не позволять произносить, или писать, или составлять, или учить, или доказывать. А которые осмелятся... те, если будут епископы или клирики, да будут лишены: епископ — епископства, а клирики — звания клирика; если же то будут простые, таковые да предаются проклятию». Затем эти положения были подтверждены ещё тремя соборами, на последнем из которых — Седьмом — последовало осуждение и обличение «возвысившейся латинской ереси».

Как известно, разногласия (ересь) выражаются в том, что, извратив Символ Веры, латиняне утверждают исхождение Духа Святого от Отца и Сына. На что святой возражает, ссылаясь при этом на священное Евангелие: «Как не быть им отлученными от любви Христовой, когда богословия Его о Святом Духе они не хотят слушать но... достоинство Параклита, исходящего от Единого Отца... определяют двумя началами, не зная, что, как Единородный от единого Отца и Один рождается рождением и единородство есть Его особенность, так и Дух Святой, будучи равен во всём Отцу и Сыну, Один исходительно от Единого Отца исходит, и потому исхождение Его признаётся единоисходным, что и составляет Его особенность, Ему свойственную». Также и о другом противоречии далее сказано: «В выше естественном богорождении один другого не приобщаются, то есть не причастен той особенности, какая свойственна каждой из богоначальных ипостасей, как-то: Отцу нерождение, Сыну рождение и Духу Святому исхождение». Не может преподобный согласиться и с другими нововведениями латинян в святых таинствах и относительно священнического чина. В книге святой предстает перед нами и как знаток древней истории, философии, геометрии. Всё используется им для непреложного доказательства своей правоты, а вернее, правоты незыблемых догматов православия против всяческих нововведений, извращений и прибавлений, наносящих опасные удары по чистоте веры, способные нанести ей непоправимый вред и ввести в заблуждение многих и многих, тем самым уведя их со спасительной дороги в гибельное болото заблуждений. Отдельная 12-я глава книги представляет из себя большой трактат о Святом Духе и разбор всевозможных ошибок и заблуждений в трактовании этого вопроса. Если учесть, что это один из краеугольных камней, на чём зиждется вечное православие, то не будет преувеличением отметить значительную роль работ Максима Грека по утверждению истины и уклонению от заблуждения тогдашней России.